

1 марта.

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

1916 года.

ЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ бесплатнымъ прибавленіемъ: „Холмскій Народный Листокъ“. Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересы. по 25 к.

Въ присылаемыхъ статьяхъ редація оставляетъ за собой право дѣлать измѣненія и сокращенія. За храненіе рукописей редація не отвѣчаетъ и за свой счетъ обратныхъ не высылаеть.

Подъ Твою милость
привѣгаемъ, Богородице Дѣво.

Временный адресъ редакціи:
Москва, Никольская ул., Законоспасское дух. училище. Канцелярія Холмской дух. семинаріи. Плата за объявленія: за 1 страницу—4 р., половина стр.—2 р. 25 к., за строку—15 к. Многократно, объявл. по соглашенію.
Тел. ред. 3-16-32.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, слѣдуетъ писать четко и разборчиво.

Рукописи безъ заявленія о гонорарѣ считаются безплатными.

№ 5.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 5.

Епархіальные извѣстія и распоряженія.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 20 января—2 февраля 1916 года за № 269, постановлено: законоучителя Холмской мужской гимназіи, кандидата богословія, священника Александра *Громадскаго* назначить на должность Холмскаго епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 27—30 января 1916 года за № 552, вдовѣ священника церкви села Терешполя, Замостскаго уѣзда, Фаннѣ *Левицкой* назначена пенсія изъ казны

по 150 руб. въ годъ съ 18 февраля 1915 г. изъ Смоленскаго Казначейства.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 8—11 февраля 1916 года за № 854, назначены пенсіи изъ казны: 1) вдовѣ протоіерея церкви села Плаваницъ, Холмскаго уѣзда Антонинѣ *Попель* по 150 руб. въ годъ съ 29 іюля 1915 года изъ Петроградскаго Казначейства, и 2) вдовѣ священника церкви села Замха, Бѣлгородскаго уѣзда, Неонилѣ *Угриновичъ* съ дочерью Евгеніей по 200 руб. въ годъ съ 29 іюля 1915 года изъ Ардатовскаго Казначейства, Нижегородской губерніи.

Назначень помощникъ настоятеля церкви села Бици, Бѣлгорайскаго уѣзда, священникъ Владиміръ *Матвѣичукъ*—на вакансію настоятеля Плаваницкой церкви, Холмскаго уѣзда, 17 февраля.

Умершіе: настоятель Селецкой церкви, Холмскаго уѣзда, протоіерей Василій *Якубовскій* 12 февраля; псаломщикъ Лазиской церкви, Замостскаго уѣзда, Северіанъ *Козловскій* 13 февраля.

Отъ Совѣта Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства.

Крайне желательно и необходимо, чтобы пастыри Холмщины по возможности *посѣщали своихъ пасомыхъ*, находящихся въ разсѣяніи, для исповѣди, утѣшенія и назиданія. Особенно это необходимо сдѣлать теперь въ дни Великаго Поста.

Совѣтъ Братства исходатайствовалъ отъ Главноуполномоченнаго по устройству бѣженцевъ С. И. Зубчанинова *пособіе на эти поѣздки* Холмскихъ священниковъ къ своимъ прихожанамъ, причемъ будутъ оплачиваться по дѣйствительной стоимости желѣзнодорожный билетъ 2-го класса и подводы и кромѣ того выдаваться суточныхъ денегъ по 3 рубля. Поѣздки будутъ оплачиваться не только въ теченіи Великаго Поста, но и впослѣдствіи. Необходимо только, чтобы все расходы были надлежаще засвидѣтельствованы, согласно требованіямъ контроля.

Въ засѣданіи Братства 4 сего марта Управляющій Холмской епархіей Преосвященный Владиміръ выразилъ желаніе, чтобы все пастыри Холмщины по возможности посѣтили своихъ прихожанъ.

Съ просьбами о высылкѣ аванса на поѣздки къ прихожанамъ надлежитъ обращаться въ Совѣтъ Братства по адресу: Москва, Никольская ул., Заиконоспасское духовное училище.

I.

ОБЪ УПАДКЪ ПАСТЫРСКАГО АВТОРИТЕТА.

(Продолженіе).

Вторымъ злымъ и опаснымъ врагомъ, подрывавшимъ всегда авторитетъ священника, является одиночество приходскаго пастыря въ той средѣ, въ которой ему приходилось и приходится донинѣ жить и дѣйствовать, одинаковая отчужденность его, какъ отъ образованныхъ классовъ русскаго общества, такъ и отъ народа. Откуда же взялось это одиночество и какимъ образомъ оно можетъ зловредно вліять на нравственный авторитетъ приходскаго священника? Одинокъ сталъ нашъ русскій пастырь со времени той же Петровской реформы, которая расширила духовный и матеріальный прогрессъ дворянства, отчасти и простого народа, но для духовенства принесла много худого. Священникъ со своею схоластикою, со своею латынью былъ разобщенъ и съ низами и съ верхами русскаго народа, сталъ чуждымъ и интеллигенціи и крестьянину: интеллигенція быстрыми шагами стала идти за Западомъ, а простой народъ продолжалъ пребывать въ томъ же невѣжествѣ; духовенство же, становясь съ каждымъ поколѣніемъ все ученѣе въ схоластическомъ отношеніи, одинаково отчуждалось и отъ первой и отъ второго. Въ связи съ этимъ одиночествомъ, съ отчужденностью священника началось и умаленіе его авторитета, ибо авторитетъ, какъ внутреннее признаніе людьми нравственнаго достоинства извѣстнаго лица или цѣлаго сословія, немыслимъ безъ взаимнаго довѣрія, сочувствія и нравственной близости къ этому лицу или сословію; а если вмѣсто довѣрія къ духовенству возникли въ разныхъ классахъ народа отчужденность и недовѣріе, вмѣсто сочувствія со всѣхъ сторонъ—равнодушіе, вмѣсто живого взаимообщенія паствы съ пастыремъ—холодное отдаленіе другъ отъ друга, то тутъ уже не могло быть и рѣчи о созданіи высокаго пастырскаго авторитета. Правда, что духовенство своими собственными усиліями, своимъ смиреніемъ и самопознаніемъ, послѣ долгаго періода отчужденія и разобщенности съ народомъ, вышло наконецъ на путь довольно широкой общественно-народной дѣятельности, а своимъ самоотверженнымъ служеніемъ народу въ теченіе долгихъ вѣковъ, не смотря на всѣ историческія преграды, сумѣло поднять свой престижъ въ народѣ до значительной высоты, и въ настоящее время не является столь одинокимъ и чуждымъ народу, какъ въ тѣ времена Петровской и послѣ-Петровской эпохъ. Въ настоящее время мы видимъ пастырей церкви во главѣ многочисленныхъ не только церковно-религіозныхъ, но и общественно-народныхъ и даже культурно-экономическихъ органи-

заций, видимъ, что авторитетъ нѣкоторыхъ рядовыхъ сельскихъ священниковъ столь великъ среди народа, что сей послѣдній избираетъ своихъ пастырей представителями и защитниками народныхъ интересовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ: Думѣ, Совѣтѣ и т. п., но при всемъ томъ тѣнь тяжелаго историческаго прошлаго, въ видѣ указанного одиночества, и нынѣ мрачною полосю ложится на жизнедѣятельность современнаго пастыря. Добрый, разумный и вообще нравственно-отзывчивый нашъ народъ и по настоящее время въ священникѣ часто видитъ не близкаго человѣка, не авторитетнаго своего наставника, а человѣка какъ-бы чуждаго и далекаго, съ авторитетомъ котораго можно совѣтъ не считать. Вѣковая же отчужденность русской интеллигенціи отъ нашего духовенства неизмѣримо больше, чѣмъ въ отношеніяхъ простого народа и духовенства, потому будетъ излишнимъ напоминаніе о томъ, что авторитетъ пастыря среди т. н. интеллигенціи еще ниже, чѣмъ среди простонародья. Въ силу этого станетъ каждому понятнымъ то печальное явленіе въ нашей приходской жизни, когда священникъ при самыхъ идеальныхъ стремленіяхъ къ обновленію жизни своей паствы вдругъ убѣждается въ безсиліи своего авторитета, какъ главнѣйшей преградѣ къ осуществленію своихъ стремленій. Къ этой исторически создавшейся двойной разобщенности духовенства отъ образованныхъ классовъ русскаго общества и отъ простого народа нужно присоединить еще и третью разобщенность, какъ одно изъ препятствій къ созданію надлежащаго авторитета духовенства—это разобщенность пастырей между собою. Началось разобщеніе православно-русскаго духовенства между собою съ той же Петровской эпохи, какъ слѣдствіе уничтоженія патриаршества и соборной формы управленія: не стало соборовъ, упразднено было патриаршество и не стало центровъ, объединяющихъ все духовенство въ одно цѣлое. Между высшимъ и низшимъ духовенствомъ стало средостѣніе, еще болѣе усилившееся съ раздѣленіемъ духовенства на черное и бѣлое. „Значеніе православнаго пастыря стало измѣняться не свѣтлостью нравственнаго облика, но значимостью въ рядахъ духовной бюрократіи, внѣшними отличіями: скуфьями, камилавками, орденами, лентами и проч.“¹⁾ На этой почвѣ бюрократическихъ отличій среди духовенства стали возникать такія явленія, какъ недружелюбіе, зависть и даже различнаго рода интриги, а въ результатѣ вмѣсто тѣснаго содружества пастырей во имя безкорыстнаго служенія своей церкви явилось одно только нравственное разъединеніе; попадая въ такую атмосферу многія идеально-настроенныя души не могли не чувствовать себя одинокими, предоставленными самимъ себѣ. Само собою понятно, что при одиночествѣ пастыря, при отсутствіи живой сплоченности духовенства между собою и авторитетъ священника не будетъ возрастать, а только падать съ каждымъ днемъ; ибо, если духовенство разъединено, не связано живою цѣпью частаго общенія между собою, находится въ одинокомъ прозябаніи и въ оторванности отъ всего остальнаго церковнаго міра,—можетъ ли послѣ этого кто

¹⁾ Приходскій священникъ 1912 г. № 8, стр. 4.

или что считается съ такимъ сословіемъ, признавать надлежащій авторитетъ его? Можетъ ли возрастать значеніе одинокого, предоставленнаго самому себѣ сельскаго священника въ его приходѣ, когда онъ чувствуетъ себя внѣ мощнаго нравственно-ободряющаго общенія съ подобными себѣ же сопастырями, можетъ ли наконецъ онъ чувствовать силу нравственнаго вліянія на своихъ пасомыхъ при проведеніи благихъ своихъ начинаній, когда не знаетъ, какъ будутъ встрѣчены его начинанія, какую оцѣнку они встрѣтятъ со стороны другихъ сосѣдей-пастырей?

Третью причину безавторитетности приходскаго пастыря составляютъ темнота, невѣжество и косность нашего народа, о кои всегда разбивался и разбивается истинный авторитетъ священника. Въ переживаемое нами время не мало обрѣтается такихъ радѣтелей о народномъ благѣ, которые, сами пальцемъ не пошевеливувъ въ сторону народа, грозно обрушиваются на приходское духовенство за его бездѣятельность и за утрату всякаго вліянія на народъ, какъ причину малоуспѣшной пастырской дѣятельности въ народѣ: „кому моль, какъ не священнику съ его близостью къ народу стоять въ авторитетной инициативѣ всякихъ культурныхъ начинаній и мѣропріятій въ деревнѣ!“ Такъ говорятъ люди изъ своего прекраснаго „далека“, изъ тиши кабинетовъ смотрящіе на деревенскую обстановку, въ коей всю жизнь приходится дѣйствовать священнику. Такіе радѣтели, обвиняюще духовенство въ неумѣннн привлечь къ себѣ расположеніе народа, не видятъ, какъ апатична и невѣжественна та среда, въ коей работаетъ приходскій пастырь, не видятъ, сколько кроваваго пота, душевной энергіи, не говоря уже о матеріальныхъ затратахъ, долженъ положить священникъ, чтобъ хоть на шагъ двинуть свою паству изъ вѣковаго закоснѣнія къ культурному пробужденію. Что бы ни заводилъ въ своемъ приходѣ священникъ, все сначала приходится, какъ говорится, выносить на своихъ плечахъ, многое дѣлать на свой рискъ и страхъ, такъ какъ всякое доброе начинаніе встрѣчаетъ почти всегда противодѣйствіе въ темнотѣ и невѣжествѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлой громады, а „громада—великій чоловикъ и его вси повинны слухаты“—такъ говоритъ наша деревня. Авторитетъ невѣжественной громады и составляетъ тотъ камень преткновенія, о который разбивается до сихъ поръ авторитетъ иногда очень просвѣщенныхъ пастырей.

Кромѣ темноты и народнаго невѣжества на пути къ достиженію пастыремъ надлежащаго авторитета среди своихъ пасомыхъ стоялъ съ давнихъ поръ такой заклятый врагъ, какимъ являлось пьянство, авторитетъ Бахуса, предъ коимъ еще такъ недавно блѣднѣли всѣ авторитеты, а не только авторитетъ священника. То, что не могъ сдѣлать священникъ въ теченіе года, то водка часто дѣлала въ одинъ одинъ. Для примѣра приведемъ хотя бы такую картину: священникъ убѣждаетъ своихъ прихожанъ купить новый колоколь, въ коемъ ощущается необходимость, но всѣ убѣжденія его недостаточны; вдругъ пріѣзжаетъ въ село агентъ какой-нибудь колокольной фирмы, узнаетъ, кто въ селѣ повліятельнѣе и начинаетъ такихъ вліятельныхъ прихожанъ, какъ говорятъ, „накачивать водкой“. И

вотъ, смотришь,—сборъ на колоколь уже идетъ по селу. Авторитетъ Бахуса оказался сильнѣе авторитета служителя Господня. Мало того: въ случаѣ неимѣнія денегъ прихожане идутъ къ священнику и требуютъ изъ церкви денегъ изъ церковнаго ящика, неприкосновенность котораго они такъ недавно защищали предъ священникомъ. Въ этой всеобщей радости, въ этомъ бурномъ ликованіи и воодушевленной благодарности, которыя объяли всю нашу святую Русь по поводу полной ликвидаціи пьянства Высочайшимъ именемъ нашего Государя, самый сильный вздохъ радости, самое пламенное чувство благодарности и признательности Обожаемому Монарху должно исходить изъ груди нашего духовенства, которое увидѣло сразу, какъ-бы по какому-то волшебному мановенію, поверженнымъ въ прахъ своего многовѣковаго врага, какимъ являлось всеобщее русское пьянство: стала трезва и тиха наша деревня, не кабаки, а храмы теперь полны народа, который сталъ и богобоязненнѣе и почительнѣе къ своимъ пастырямъ.

Слѣдующею причиною приниженности приходскаго пастыря, причиною умаленія его авторитета является тяжелая матеріальная зависимость его отъ своихъ прихожанъ. Это — тотъ ненормальный, унижительный способъ добыванія средствъ посредствомъ поборовъ, платъ за требы и всякихъ даваній со стороны прихожанъ, который на протяженіи вѣхъ вѣковъ и до настоящаго времени тяжело отражался и отражается на духовномъ престижѣ пастыря. Едва-ли кто станетъ отрицать, что однимъ изъ первыхъ условій повышенія пастырскаго авторитета явится уничтоженіе такого способа содержанія духовенства, ибо пока существуютъ взиманія платы за требы, всякіе повинности и поборы въ пользу духовенства, трудно ожидать, чтобы народъ относился съ подобающимъ уваженіемъ къ своему священнику. Таковъ голосъ почти всего духовенства. Устранить это препятствіе къ возвышенію пастыря среди своей паствы внѣ власти самого духовенства; оно можетъ принять нѣкоторыя мѣры лично отъ себя, не взимая, напр., большихъ платъ за требы, избѣгая ссоръ и дрызгъ на этой почвѣ, отдаляя время расплаты отъ момента совершенія требы и т. п., но это все—палліативы. Радикальнымъ же средствомъ къ возвышенію на должную высоту пастырскаго авторитета будетъ только полное уничтоженіе непосредственной матеріальной зависимости отъ прихода.

Свящ. П. Король.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II.

ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕНЫ ДУХОВНЫЯ НУЖДЫ „БѢЖЕНЦЕВЪ“.

„Совѣщаніе по устройству бѣженцевъ“, образованное при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, обратило вниманіе на духовныя нужды ихъ уже „по осени“ и для удовлетворенія ихъ сдѣлало еще немного.

Образована „особая комиссія совѣщанія по удовлетворенію“ сихъ нуждъ „подъ предѣдательствомъ члена Государственнаго совѣта А. Ф. Кони“, и можно ли желать лучшаго выбора въ предѣдатели? Но первое засѣданіе этой комиссії, насколько извѣстно (если не ошибаюсь), состоялось только 30 октября 1915 года: очевидно, вслѣдствіе поздняго ея образованія. Волны бѣженскаго движенія за истекшіе почти четыре мѣсяца, можно сказать, образовали уже „девятый валъ“. Дѣло бы иное, если-бъ къ бѣженцамъ примѣнно было выраженіе: „духъ бодръ, плоть же немощна“; но они постигшими несчастіями доведены „до крайняго изнеможенія“ не только тѣлеснаго, но и духовнаго, и оно продолжается для очень многихъ изъ нихъ. Что же именно сдѣлано для удовлетворенія духовныхъ нуждъ бѣженцевъ и что слѣдуетъ сдѣлать?

I.

30 октября въ засѣданіи комиссії по удовлетворенію духовныхъ нуждъ бѣженцевъ разсмотрѣны были три вопроса: 1) о предоставленіи бѣженцамъ возможности продолжать учебныя занятія въ школахъ, при чемъ представитель министерства народнаго просвѣщенія сообщилъ, что вѣдомство распорядилось о приѣмѣ дѣтей бѣженцевъ во всѣ среднія учебныя заведенія внѣ комплекта; 2) о разрѣшеніи въ мѣстахъ скопленія бѣженцевъ евреевъ открывать вѣроисповѣдныя школы (хедеры), руководимыя такъ называемыми меламедами, и при этомъ возбуждено ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о преподаваніи въ хедерахъ русскаго языка, какъ „крайне необходимаго“ для еврейскихъ дѣтей „въ новыхъ условіяхъ ихъ жизни“; 3) объ упорядоченіи пересылки писемъ бѣженцевъ къ близкимъ своимъ, оставшимся въ мѣстностяхъ, занятыхъ непріятелемъ.

По первымъ двумъ пунктамъ духовныя нужды образовательныя уже удовлетворяются. Дѣло налажено не только относительно учебныхъ заведеній низшихъ и среднихъ для бѣженцевъ, но и по отношенію къ высшимъ. Совсѣмъ нельзя сказать того же о 3-мъ пунктѣ. Въ томъ же засѣданіи комиссії представитель министерства внутреннихъ дѣлъ А. А. Орловъ сообщилъ комиссії, что, по распоряженію германскихъ властей, возможно пересылать въ указанныя мѣстности только лишь деньги и посылки, но не письма, и, съ своей стороны, предлагалъ направлять корреспонденціи въ Копенгагенъ черезъ испанское посольство. Членъ совѣщанія баронъ С. А. Шиллингъ, посѣтившій предъ тѣмъ Стокгольмъ, заявилъ, что тамъ, при центральномъ литовскомъ комитетѣ, открыто бюро для перевода на нѣмецкій языкъ пересылаемыхъ въ Германію писемъ и что германскія власти принимаютъ корреспонденцію только для жителей, проживающихъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы. На основаніи этихъ, вообще неопредѣленныхъ и отчасти противорѣчивыхъ, заявленій газетный репортеръ ¹⁾ пустилъ

¹⁾ „Рѣчь“ № 300 (1915 г.)

въ ходъ такое сообщеніе: „пересылка корреспонденці затруднена въ настоящее время отсутствіемъ правильно оборудованныхъ почтовыхъ сношеній, но, по свѣдѣніямъ комиссіи, черезъ нѣсколько недѣль дѣло это будетъ налажено“. Дѣйствительность суровая не оправдала этой „розовой надежды“ близкихъ родныхъ по сю и по ту сторону „кордона“. Бюро печати оповѣстило въ день Нового года черезъ столичныя газеты, что какъ было, такъ и будетъ. „Въ виду появлявшихся въ настоящее время въ газетахъ сообщеній касательно возможности отправлять письма въ мѣстности имперіи, временно занятыя непріятельскими войсками, черезъ посредство второго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, второй департаментъ“, читаемъ въ этомъ сообщеніи, „считаетъ долгомъ вновь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, въ виду отказа германскихъ властей въ передачѣ таковой корреспонденці, департаментъ лишень возможности доставлять переписку въ указанныя выше мѣстности“. Въ утѣшеніе тѣхъ, которые „отправляли письма“, прибавлено, что, во-первыхъ, „продолжающія поступать письма отсылаются вторымъ департаментомъ въ Петроградскій почтамтъ, гдѣ съ ними будетъ поступлено по закону“, и что во-вторыхъ, „въ случаѣ возстановленія почтовыхъ сношеній съ мѣстностями Имперіи, временно занятыми непріятельскими войсками, второй департаментъ не преминетъ довести о томъ до всеобщаго свѣдѣнія путемъ публикаціи въ газетахъ“. Такова безпомощность близкихъ родныхъ! По телеграфному сообщенію изъ Копенгагена отъ 6 января, всякія сношенія лицъ, проживающихъ внѣ Германіи, съ гражданскимъ населеніемъ оккупированныхъ областей „не допускаются и запрещены“¹⁾: всѣ, значитъ, надежды рухнули, кромѣ въ будущемъ „побѣды и одолѣнія“... Осталось утѣшеніе для бѣженца только въ религіи, въ молитвѣ, въ „дарахъ духовныхъ“; но для полученія благодатнаго наитія все ли сдѣлано?

II.

Для бѣженцевъ р.-католическаго вѣроисповѣданія сдѣлано въ этотъ отношеніи много. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшено губернаторамъ и градоначальникамъ открывать временныя каплицы для совершенія богослуженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ католическихъ храмовъ. Во внутренніе районы разселенія бѣженцевъ-католиковъ командированы р.-католическіе священники, „въ числѣ свыше 100 человекъ, главнымъ образомъ изъ мѣстностей,

¹⁾ „Рѣчь“ № 6 (1916 г.). Но какъ понимать и принимать сообщеніе той же газеты (въ № 13-мъ), что „нѣсколько времени тому назадъ литовскому центральному комитету удалось получить разрѣшеніе изъ мѣстностей, занятыхъ нѣмцами, краткихъ сообщеній, заключающихъ отвѣты на опредѣленные вопросы“, и что „въ настоящее время предсѣдатель литовскаго центрального комитета... М. М. Ичасъ получилъ телеграмму отъ уполномоченнаго центрального комитета... въ Стокгольмѣ г. Аухшталя, о томъ, что литовскому комитету разрѣшено, кромѣ того, пересылать и подробныя письма въ слѣдующія мѣстности, занятія нѣмцами: Вильна, Ковна, Сувалки, Гродна, Поневѣжъ, Шавли, Вильковишки, Августовъ, Кѣльцы, Глута и Баускъ“.

занятых нынѣ временно неприятелемъ, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своей паствы. Командированные ксендзы, всѣ „въ числѣ свыше 100 человекъ“, кромѣ положеннаго имъ жалованія по прежнимъ (до оккупаци) приходамъ, ежемѣсячно „получаютъ по 150 р. дополнительно“¹⁾. Польскій центральный обывательскій комитетъ сверхъ того, „распорядился праздновать Рождество Христово по новому стилю во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ имѣются бѣженцы-поляки или служащіе комитета“²⁾, хотя вся церковная католическая организація въ Россіи приурочена къ старому стилю, кромѣ одного Царства Польскаго. Когда въ польскомъ королевствѣ стали было вводить новый календарный „стиль“, то западноруссы и литовцы отставали и отстояли „старый календарь“ съ оружіемъ въ рукахъ, несмотря на всѣ насилія тогдашняго (при королѣ Сигизмундѣ III) польскаго правительства. Считаться бы польскому центральному обывательскому комитету съ этой исторической основой католической здѣсь организаціи и „со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходить“, помня для себя и своихъ бѣженцевъ, что по нуждѣ и премѣненіе законовъ бываетъ.

Въ самое недавнее время, уже въ нынѣшнемъ году, было сообщено въ газетахъ³⁾, что департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій „командировано въ мѣста водворенія латышскихъ бѣженцевъ десять лютеранскихъ пасторовъ“ и что „для совершенія духовныхъ требъ бѣженцамъ-литовцамъ евангелическо-реформатскаго исповѣданія командированы два пастора-реформата“.

Нѣчто подобное сдѣлано для бѣженцевъ православныхъ, но въ гораздо меньшемъ, чѣмъ для римско-католиковъ, масштабѣ и въ крайне тенденціозной окраскѣ политической. Для слишкомъ трехъ сотъ тысячъ православнаго населенія Холмской епархіи „командировано“ всего-на-всего 15 священниковъ-бѣженцевъ изъ той же епархіи, именно: по одному на губерніи Саратовскую, Сибирскую, Калужскую, Астраханскую, Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Казанскую, Смоленскую, Орловскую, Тульскую, Ярославскую и Область Войска Донскаго и одного на губерніи: Харьковскую и Екатеринославскую, съ ассигнованіемъ на каждого тоже, какъ и для римско-католическаго духовенства, по 150 р. въ мѣсяцъ въ жалованье (тоже дополнительное) и чуть ли не по столько же разѣздныхъ, при „авансѣ“ въ 500 руб. каждому. Но все это,—и командировки и денежные средства на нее,—получены были отъ „Всероссійскаго центрального комитета“, извѣстнаго въ широкихъ кругахъ подъ именемъ „черносотеннаго“. Это „имя“ распространилось на командированныхъ лицъ, какъ на агентовъ комитета, и такъ неблагопріятно отразилось на ихъ заданьѣ, что уже нѣсколько человекъ рѣшили покинуть сію „миссію“ изъ-за недовѣрія къ нимъ, какъ къ „чернымъ“, и явнаго нерасположенія оказывать необходимое содѣйствіе.

1) Ibid. № 336 (1915 г.).

2) Ibid. № 341.

3) Напр., въ № 4 газеты „Рѣчь“ и въ № 5 „Колоколь“.

Въ заданіе ихъ входило лично посѣтить бѣженцевъ, для ознакомленія съ ихъ житьемъ и нуждами, расположить мѣстные общества къ улучшенію ихъ судьбы и мѣстныхъ дѣятелей къ оказанію трудовой помощи, выяснитъ удовлетвореніе на мѣстахъ духовно-религіозныхъ нуждъ бѣженцевъ православнаго исповѣданія. Ответственные дѣятели отнеслись къ нимъ съ полнымъ нерасположеніемъ, а мѣстное приходское духовенство посмотрѣло на нихъ, какъ на посягателей на уменьшеніе „дохода за требы“. Одинъ изъ приходскихъ священниковъ Холмской епархіи о затрудненіяхъ послѣдняго рода пишетъ мнѣ съ полной освѣдомленностью (самъ онъ изъ благочинныхъ) слѣдующее:

„Вопросъ въ томъ, съ юридической точки зрѣнія (т. е. со стороны установившейся церковно-приходской практики?) не встрѣтили бы мои дѣйствія какого-либо противодѣйствія со стороны мѣстныхъ духовныхъ. Вопросъ весьма важный, но какъ его разрѣшить?

Произойдутъ столкновения! Конечно, при извѣстной организаціи, узаконенной (т. е. установленной) высшею властью (въ данномъ случаѣ Св. Синодомъ), возможно мирное сожителство эвакуированныхъ и мѣстныхъ приходскихъ единицъ. Вотъ примѣръ: пишетъ мнѣ прихожанинъ, что за погребеніе матери священникъ мѣстный взялъ 16 р., мнѣ же не уплатилъ бы и 4 р. (не сомнѣваюсь, что тотъ же о. Игнатій К—й совершилъ бы заупокойную литургію и отпѣваніе съ проводами на кладбище и съ надгробной рѣчью безплатно, въ бѣженскихъ условіяхъ): вотъ уже подрывъ мѣстнымъ обычаямъ! А пользованіе храмами, кладбищами, свѣчами (церковными) сколько бы вызвало недоразумѣній! А метрическія записи, какъ съ ними быть? Все это вопросы, на которые слѣдовало бы обратить вниманіе высшихъ духовныхъ сферъ и преподать (т. е. оттуда, свыше) свои распоряженія, наставленія“. Но ничего этого до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не сдѣлано ни Св. Синодомъ, ни епархіальными архіереями. А какъ это желательно и необходимо, вотъ живая „справка“, живьемъ взятая изъ самой недавней практики того же священника, поселившагося въ одномъ городѣ Черниговской губерніи. „Не чувствуя себя здѣсь прочно“, пишетъ онъ мнѣ, „и ожидая распоряженія владыки (своего епархіальнаго) относительно своей дѣятельности, я, по приглашенію мѣстнаго духовенства, одного большаго пастыря, совершалъ здѣсь богослуженія и требы безъ испрошенія на это разрѣшенія мѣстнаго архіерея. Тогда одинъ изъ 12-ти мѣстныхъ пастырей указалъ мнѣ законъ съ 1779 (или 1774) года, по коему безъ разрѣшенія мѣстнаго архіерея священникъ (иноепархіальный) не можетъ совершать богослуженій. Конечно, я посмѣшилъ исполнить законъ, охъ, какой древній! Не проще ли было бы заявить себя мѣстному благочинному съ документами, удостоверяющими личность?“ Въ наше время желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, конечно, гораздо проще и пѣлесообразнѣе было бы это. А „бѣженство“ паствы и пастырей, „распыленіе“ приходовъ, даже обязываетъ учинить всѣ облегченія для единенія и объединенія ихъ.

Какъ велико распыленіе прихожанъ одного и того же прихода, для примѣра укажу на приходъ села Любенья, Влодавскаго уѣзда, можно сказать, центральный въ Холмской епархіи. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, любенскіе прихожане такъ распылены: три семьи въ себѣ Карлинскомъ, Симбирской губерніи, тридцать семействъ въ с. Матвѣевкѣ, Самарской г., семнадцать семействъ въ с. Антоновкѣ, Екатеринославской г., десять семействъ въ с. Александровкѣ, Тамбовской г., „около двадцати пяти семействъ въ с. Боркахъ, Орловской г., „неизвѣстное число“ семействъ въ с. Березовкѣ, Тульской г. и восемнадцать семействъ въ г. Омскѣ (Параскевievская ул., д. № 1), и это еще не всѣ прихожане с. Любенья. Если кто-либо изъ читателей удивился бы тому, что распыленію ихъ не положила предѣла граница между Европой и Азіей и „пылинки“ загнало вѣтромъ бурей даже до Омска, такому я сказалъ бы: не только до Омска, но и до... Самарканда съ Катты-Курганомъ. Какъ это произошло, какіе „вихри и бури“ разнесли эту „пыль“ по всей Руси великой даже до инородческихъ окраинъ въ Азіи, это составляетъ содержаніе особой моей статьи „Распыленіе бѣженцевъ изъ Холмщины, начиная отъ Рославля и кончая Самаркандомъ“, которая скоро явится въ печати.

III.

То правда, что бѣженцы православные почти всегда найдутъ для себя по близости православные храмы и служащее при нихъ приходское духовенство; но въ этой близости и удобство и неудобство. Чтобы удобства было больше, а неудобства меньше, необходимо прежде всего распоряженіе Св. Синода, чтобы эвакуированное приходское духовенство было въ правѣ пользоваться мѣстными православными церквями для совершенія богослуженія „бѣженцамъ“. Къ распыленнымъ по всей Россіи бѣженцамъ особенно примѣнно апостольское изреченіе: „многи имате пѣстуны о Христѣ, но не многи отцы“. Особенно въ Холмщинѣ мѣстное духовенство находилось въ „отечествѣ“ по близости къ своимъ прихожанамъ сельскимъ, Обезпеченное жалованьемъ изъ государственнаго казначейства, оно въ значительномъ большинствѣ совершало требы бесплатно. Въ Холмской епархіи живое проповѣдническое слово вошло, можно сказать, въ обиходъ пастырской дѣятельности: паства къ нему привыкла и съ любовью „слушала науку“ за литургіями и при совершеніи требъ. Пастыри были искусны въ проповѣдничествѣ „слова Божія“ на народномъ нарѣчьи; и вдругъ для „бѣженцевъ“ оно замолкло въ самыя трудныя переживанія или, вмѣсто родного живого, хватающаго за душу, до слезъ умиленія или покаянія, стало книжнымъ, сухимъ, чужимъ... По всей Холмщинѣ издавна такъ заведено было и повсюдно велось, что домъ приходскаго „батюшки“ всегда открытъ для прихожанъ, обращается ли онъ туда за требой или за совѣтомъ.

Гдѣ духовенство не получаетъ никакого жалованія и „поручный доходъ“ составляетъ (послѣ или сверхъ земскаго причтоваго

надѣла) главное средство пропитанія семьи и воспитанія дѣтей, думается, что и тамъ требованіе платы за погребеніе въ 16 рублей тягостно для прихожанъ. Какъ же тяжело оно для несчастныхъ „бѣженцевъ“, у которыхъ „ни кола, ни двора“?! Необходимо особое распоряженіе по духовному вѣдомству о бесплатномъ совершеніи бѣженцамъ всѣхъ необходимыхъ требъ мѣстнымъ приходскимъ духовенствомъ. Тогда и только со стороны этого духовенства будетъ болѣе примирительное и „братское“ отношеніе къ священникамъ-бѣженцамъ, осѣвшимъ по лицу Русской Земли, далеко отъ своихъ бывшихъ приходовъ. Одинъ изъ такихъ священниковъ, поселившійся со семьей своей въ Харьковѣ, слѣдовательно, не въ глуши, отдаленной отъ епархіальнаго архіерея, а напротивъ въ епархіальномъ городѣ и къ тому „университетскомъ“, въ которомъ архіерейскую кафедру занимаетъ лицо съ именемъ,—пишетъ, мнѣ отъ 5 января слѣдующее:

„Двѣ недѣли я простоялъ (со своими прихожанами—выселенцами изъ Константиновскаго уѣзда, Холмской губерніи) въ с. Колпеницѣ (Минской губерніи). Въ с. Грабовѣ, Мозырскаго уѣзда, крестьянинъ Антонъ Губарь призрѣлъ нашихъ бѣженцевъ, а я отправился въ Харьковъ разыскать свою семью, такъ какъ два мѣсяца ничего не слыхали о своихъ. Естественно искать утѣшенія въ сочувствіи постигнутому горю со стороны ближнихъ и въ молитвѣ къ Богу, а священнику въ совершеніи богослуженія у алтаря Господня; но такого утѣшенія въ Харьковѣ не дано было. „Между тѣмъ въ Харьковѣ (по сообщеніямъ изъ того же письма), несмотря на распоряженіе Св. Синода, никакой помощи намъ, холмскимъ бѣженцамъ-іереямъ, не оказали. Двѣ недѣли я бродилъ къ протоіереямъ и владыкамъ, но скоро узналъ, что насъ считаютъ „богатыми“ (!), не нуждающимися въ милости, вѣроятно, не умѣющими и Богу молиться, и вслѣдствіе этого я въ храмѣ молюсь среди воиновъ... и до сего времени еще не былъ ни въ одномъ алтарѣ харьковскихъ храмовъ (т. е. для совершенія богослуженія въ нихъ), ибо сказано было архіепископомъ: „мѣста у меня нѣтъ“... Если всѣ чиновники соболѣзнуютъ бѣженцамъ-чиновникамъ, евреямъ—евреямъ, то, кажется, и прямой долгъ архіереевъ нашихъ указать хотя бы церковь, гдѣ могъ бы бѣженецъ-священникъ хотя разъ въ мѣсяцъ отслужить литургію и молитвой къ Богу укрѣпиться духомъ. Но на насъ, холмскихъ бѣженцевъ-іереевъ, посмотрѣли въ Харьковѣ, какъ на какихъ-то отщепенцевъ, и почему-то вообразили, будто мы явились сюда обдирать кого-то... Насъ же сюда пригнала горькая нужда, даже отсутствіе теплой одежды и обуви“¹⁾...

¹⁾ Редакція оставляетъ на отвѣтственности автора сообщеніе объ отношеніи къ бѣженцамъ духовныхъ властей въ г. Харьковѣ.

Съ своей стороны редакція приноситъ Высокопреосвященному Антонію, архіепископу Харьковскому, глубокую благодарность за доброе, *выдающееся изъ ряда другихъ*, отношеніе къ бѣженцамъ, засвидѣтельствованное официальными документами (докл. въ Сов. Холм. Св.-Бог. Братства уполномоченнаго Всерос. Общ. поп. о рус. бѣженцахъ свящ. Евгенія Жолтовскаго, заявл. благочиннаго свящ. Александра

IV.

Если бы была надлежащая система, должная организация въ расселеніи бѣженцевъ (имѣя въ виду православныхъ), ихъ поселили бы приходами, и тогда открылась бы возможность священникамъ-бѣженцамъ жить въ средѣ своихъ прихожанъ. И жили бы вкупѣ пастырь и его паства, „радуясь, а не въздыхающе“. Вздохи уменьшились бы отъ духовной радости. А нынѣ, благодаря безсистемности и неурядицъ, на 264 наличныхъ приходскихъ священниковъ только одинъ-единственный можетъ сказать о себѣ и своихъ прихожанахъ: „се азъ и дѣти, ихъ же даде ми Госнодь“.

Въ Галиціи, близъ посада Оцова (Томашевского уѣзда, Холмской г.) палъ смертью храбрыхъ князь Урусовъ и, умирая, завѣщала отпѣтъ и похоронитъ себя въ сосѣдней Оцовой православной церкви, на приходскомъ кладбищѣ. Торжественны были похороны, всѣ прихожане приняли участіе въ нихъ. Скоро послѣдовало выселеніе изъ Оцовскаго прихода, и княгиня Урусова дала пріютъ всему Оцовскому приходу въ своемъ имѣніи Лапотковъ, Тульской губерніи. Таково единственное исключеніе изъ общаго правила, имя которому „распыленіе приходовъ“. Знаю такихъ священниковъ, которые поселились съ частью своихъ прихожанъ. Одинъ изъ нихъ, настоятель Собиборскаго прихода (Влодавскаго уѣзда), пишетъ:

„Я съ частью прихожанъ поселился въ с. Кладбищѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Мѣсто понало хорошее: есть довольно помѣщеній хорошихъ (на рѣдкость это теперь), есть довольно дровъ; я занималъ особый домъ... Есть двухъэтажные дома, есть лавки, базаръ по понедѣльникамъ. Есть двѣ церкви: православная и единовѣрческая. Я служу въ православной по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Есть и безпоповцы. Духовенство привяло меня привѣтливо“. Подчеркиваю тѣ строки, которыя указываютъ на счастливый выходъ изъ создавшагося положенія. При распыленности приходовъ—это первый выходъ. Онъ составляетъ полумѣру, или $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ часть „мѣры“, но лучше что-нибудь, чѣмъ ничего.

Второй мѣрой для меня и не для одного меня, а и для самихъ приходскихъ священниковъ-бѣженцевъ, представляется объѣздъ ими своихъ прихожанъ, періодическія посѣщенія ихъ; но какъ невозможно трудно для священниковъ получить эту возможность! Настоятель Любенской церкви, сообщивъ (въ письмѣ отъ 4 ноября), что прихожане его расселены въ 7-ми губерніяхъ, пишетъ мнѣ: „теперь моя покорнѣйшая просьба... исходатайствовать мнѣ бесплатный проѣздъ къ тѣмъ прихожанамъ въ упомянутыя губерніи или отпускъ пособія на путевые расходы. Можетъ быть мнѣ, прибавляетъ онъ,

Томашевича и др.). Редакціи извѣстно, что Совѣтъ Холм. Св.-Бог. Братства въ одномъ изъ засѣданій постановилъ выразить Высокопреосвященному Антонію особую благодарность за доброе отношеніе къ бѣженцамъ. Братскій органъ „Холмская Русь“ въ № 4—5 за текуцій годъ печатаетъ глубокую благодарность Высокопр. Антонію за его отношеніе къ бѣженцамъ.

удалось бы сгруппировать ихъ въ меньшемъ районѣ размѣщенія, а главнымъ образомъ—разыскать и соединить вмѣстѣ односельчанъ и потерявшихся членовъ семействъ“. „Изъ всѣхъ мѣстъ 8-ми (вм. бывшихъ прежде 7-ми), по сообщенію его письма отъ 16 ноября, пишутъ прихожане и приглашаютъ къ себѣ; всѣ въ своихъ письмахъ выражаютъ свою преданность и любовь“. Одинъ изъ нихъ пишетъ трогательно: „когда вспомнимъ нашу церковь (т. е. въ селѣ Любенѣ) и нашего батюшку, слезами обливаемся“. И вотъ откликъ этого батюшки со стороны психологической:

„Какъ не отвѣтить на эту любовь любовью? Но путь къ нимъ далекій (т. е. изъ гор. Стародуба, Чернигов. губ.): на уплату билетовъ (желѣзнодорожныхъ) не хватитъ получаемого жалованья. Въдь его не хватаетъ на содержаніе и квартиру своей семьи... Итакъ, матеріальныя средства заставляютъ скрѣпить сердце и только письменно сноситься со своими дорогими чадами духовными. Просить у владыки пособія на поѣздку или, по крайней мѣрѣ, даровой поѣздъ, но ни того, ни другого не получили до сихъ поръ... Трудно, желаніе у меня есть, да исполненіе не отъ меня зависитъ. Если можете..., то прошу исходатайствовать мнѣ даровой поѣздъ хотя въ ближайшія губерніи, гдѣ наши прихожане: въ Орловскую, Тульскую, Тамбовскую, Симбирскую... Въ одномъ изъ самыхъ населенныхъ пунктовъ можно бы и мнѣ осѣсть съ прихожанами и удовлетворять ихъ духовныя, вѣдать ихъ матеріальныя нужды“, со вздохомъ мечтаетъ онъ. И эта „мечта“ до сихъ поръ не могла осуществиться¹⁾. О „даровомъ поѣздѣ“ было даже ходатайство бывшего холмскаго епископа Анастасія предъ министерствомъ путей сообщенія, письменное и личное, словесное; но до сихъ поръ не уважено... Ясно, что для использованія „второй мѣры“ препятствія не въ приходскомъ духовенствѣ эвакуированныхъ епархій, а въ денежныхъ средствахъ, что отчасти не удивительно при нынѣшнихъ громадныхъ на войну расходахъ, и въ медлительности, косности вѣдомства путей сообщенія, что—поразительно. И ждутъ, не дождутся распыленные православные прихожане сего высшаго утѣшенія въ обрушившихся на нихъ бѣдствіяхъ, лишеніяхъ, и ихъ духовные отцы, ихъ „душпастыри“, безконечно долго ждутъ „у моря погоды“, чтобы посѣтить „страждущихъ и обремененныхъ“ чадъ своихъ.

Особенно грустны были для нихъ въ разлукѣ святки. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 3 января бѣженецъ, регентъ (изъ крестьянъ) сельскаго церковнаго хора въ Холмской епархій, такъ описываетъ свои и своихъ односельчанъ праздники Рождества Христова въ Джанкоѣ, Таврической губерніи:

„Праздники прошли печально. Хотя я и былъ въ церкви, но въ богослуженіи не участвовалъ. Въ первый день съ трудомъ пробрался по грязи въ мѣстную церковь (въ Холмщинѣ его и ихъ приходская церковь стояла на высокомъ песчаномъ берегу р. Буга, не то, что въ Джанкоѣ болотистомъ), а когда зашѣли на клиросѣ:

¹⁾ Въ настоящее время пособіе настоятелю Любенскаго прихода уже выдано изъ суммъ Холмскаго Братства. *Ред.*

„Елицы во Христа креститесь“ я заплакалъ чуть не вслухъ, какъ малое дитя... Я стоялъ не на клиросѣ, а на (серединѣ) церкви съ бѣженцами Холмской, Гродненской, Виленской, Минской, Волынской и другихъ (такъ расплыли бѣженцевъ!) губерній, которые также прослезились „внегда помянути дни Сиона“. Богослуженіе совершалъ іеромонахъ какого-то монастыря... Пѣль мѣстный любительскій хоръ не важно (здѣсь, весьма возможно, зазвучала регентская струна, субъективная): исполняетъ, т. е. хочетъ исполнять, непосильныя вещи, которыя не удаются. Наши орховцы (по имени посада Орховка), привыкшіе къ своимъ „колядкамъ“, которыхъ здѣсь совсѣмъ не знаютъ даже названія, что такое „коляда“, называютъ этихъ пѣвчихъ „солистами“ (очевидно, насмѣшливо и не понимая этого слова). Такова повсемѣстная психологическая необходимость второй мѣры.

4 ноября прошлаго года, въ засѣданіи особаго совѣщанія по устройству бѣженцевъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, членъ его б. Холмскій епископъ Анастасій сдѣлалъ слѣдующее внѣочередное заявленіе: „Бѣженскій вопросъ можно будетъ считать рѣшеннымъ только тогда, когда бѣженцы вернутся обратно на свои мѣста. Это обратное движеніе наступитъ раньше, чѣмъ думаютъ одни, и позже, чѣмъ думаютъ другіе. Но я опасаясь, что это движеніе будетъ еще болѣе неудержимымъ, чѣмъ самое бѣгство, такъ какъ инстинктъ домашняго очага, инстинктъ собственности, сильнѣе всѣхъ инстинктовъ. Ужасы, которые происходятъ сейчасъ, мы оправдываемъ тѣмъ, что бѣженство застало насъ врасплохъ. Но возвращеніе бѣженцевъ мы можемъ и должны предвидѣть, и должны къ нему подготовиться. Пора выбрать особую комиссію, которая теперь занялась бы этимъ вопросомъ. Это заявленіе, по сообщенію газетъ, было „встрѣчено общимъ сочувствіемъ и въ томъ же засѣданіи было рѣшено передать въ комиссію подъ предѣлательствомъ кн. В. М. Волконскаго“. Наше желаніе, чтобы эта комиссію задалась пѣлью расплывленные приходы собрать, по возможности, во-едино: каждый приходъ въ границахъ одной и той же волости и только въ крайности уѣзда. Это передвиженіе сдѣлать бы въ теченіе оставшихся зимнихъ мѣсяцевъ, такъ, чтобы къ веснѣ, къ началу весеннихъ работъ по селамъ и доревнямъ, „бѣженскіе“ приходы имѣли тутъ же своихъ пастырей, въ мѣстахъ своего временнаго жительства, которые поруководили бы своими прихожанами въ дѣлѣ пристроенія ихъ къ труду-работѣ, повлияли бы, чтобы досужихъ не было въ весеннюю и лѣтнюю страду, укрѣпляли бы ихъ духовно-общественнымъ богослуженіемъ, требоисправленіями и поученіями, вообще нравственнымъ вліяніемъ въ тяжкой долѣ, „исцѣляли сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывали плѣннымъ освобожденіе“, сокрушеннымъ скорую отраду. Когда-же настанетъ „лѣто Господне благопріятно“ для всѣхъ, они станутъ во главѣ обратнаго движенія своихъ прихожанъ въ родныя мѣста. Такой представляется мнѣ третья мѣра благоустроенія доли бѣженцевъ, донинѣ расплывленныхъ, — вмѣстѣ и послѣдняя мѣра. Остальное въ волѣ Божіей...

Членъ Госуд. Думы Протоіерей А. Будиловичъ.

Отъ Леонтіевскаго Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Холмской духовной семинаріи.

Совѣтъ Леонтіевскаго Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Холмской духовной семинаріи, лишенный въ настоящее тяжелое время возможности правильно организовать, путемъ рассылки соответствующихъ подписныхъ листовъ, сборъ пожертвованій въ пользу означеннаго учрежденія, обращается съ покорнѣйшей просьбой къ духовенству Холмской епархіи, въ разсѣяніи сущему, къ прочимъ жертвователямъ Попечительства, къ бывшимъ питомцамъ семинаріи и всѣмъ сочувствующимъ дѣлу помощи ближнимъ придти на помощь воспитанникамъ семинаріи бѣженцамъ.

Въ настоящее время число нуждающихся воспитанниковъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ стѣнахъ семинаріи, и ждущихъ пособій изъ Попечительства, значительно увеличилось. Многіе отъ нашествія непріятели потеряли все, лишились помощи отъ своихъ присныхъ, также очутившихся въ положеніи бѣженцевъ. Средства Попечительства, особенно въ послѣднемъ 1915 году, значительно уменьшились, и Попечительство лишено возможности помогать всѣмъ нуждающимся. Совѣтъ Попечительства питаетъ надежду, что бывшіе питомцы семинаріи, въ свое время получавшіе пособія, иногда очень значительныя, изъ Попечительства, и нынѣ такъ или иначе оказавшіеся матеріально обеспеченными, не забудутъ своихъ младшихъ товарищей и братьевъ по школѣ. Надѣется Попечительство и на помощь москвичей, у которыхъ Холмская семинарія нашла себѣ пріютъ.

Пожертвованія можно направлять по адресу: Москва, Никольская улица, Заиконоспасское духовное училище. Правленію Холмской Духовной Семинаріи.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Объ упадкѣ пастырскаго авторитета. *Свящ. П. Короля.* (Продолженіе).
2. Въ какой степени удовлетворены духовныя нужды „бѣженцевъ“. Члена Государственной Думы *Протоіеря А. Будиловича.* Отъ Леонтіевскаго Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Холмской духовной семинаріи.

Дозволено цензурою. 6 марта 1916 г.

Редакторъ *Архим. Серафимъ.*